

И. Эренбург

Портреты русских поэтов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Э76

Э76 **Эренбург И.Г.**
Портреты русских поэтов / И. Эренбург – М.: Книга по Требованию, 2015. –
161 с.

ISBN 978-5-458-23946-2

Историко-литературное исследование и сборник стихотворений. Илья Эренбург в форме заметок дает общее представление о личности таких русских поэтов как А.А. Ахматова, К.Д. Бальмонт, Ю.К. Балтрушайтис, А.А. Блок, В. Я. Брюсов, А. Белый, М.А. Волошин, С.А. Есенин, В.И. Иванов, О.Э. Мандельштам, В.В. Маяковский, В.Л. Пастернак, Ф.К. Сологуб, М.И. Цветаева. В конце каждой заметки автор приводит несколько лирических произведений того или иного поэта, наиболее полно отражающих его субъективный мир.

ISBN 978-5-458-23946-2

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

АННА АНДРЕЕВНА АХМАТОВА

Я не знаю ни ея лица, ни даже имени. Только скорбная, похожая на надломленное деревцо, женщина Альтмана передъ моими глазами. Она очень устала, любить замшеныя скамейки Царскосельского парка, у нея розовый зябкій какаду. Я не знаю ея, но я ее знаю лучше поэтовъ, съ которыми прожилъ годы вмѣстѣ. Я знаю ея привычки и капризы, ея комнату и друзей. У другихъ я быль въ кабинетѣ и въ салонѣ, въ опочивальнѣ и въ часовнѣ. Она подпустила къ сердцу. Я тоже грѣшенъ — у костра ея мученической любви грѣль я тихонько застывшія руки, трижды отрекшись отъ Бога. Со страхомъ глядѣль я на взлеты подбитой души — птица съ дробинкой, пролетитъ пять шаговъ и вновь упадетъ. Ахъ, какъ застыдился бы Леконтъ де Лиль, увидавъ обнаженную гусиную кожу души на вѣтру передъ равнодушными прохожими! Впрочемъ, прохожіе не совсѣмъ равнодушны, они покупаютъ «Четки», и Ахматова горько жалуется на свою «безславную славу».

Не письмо, не дневникъ, а любящее сердце, въ паноптикумъ рядомъ съ ассирийскими приспособленіями Брюсова и Сологубовскими розгами изъ Нюренберга. Что-же дѣлать, по законамъ бытія должны мы питаться не проточной водой, но теплой кровью, и не въ первый разъ клюетъ свою грудь жертвенный пеликанъ.

Безсильно повисли руки Ахматовой, и говорить она въ себя, какъ человѣкъ, который ужъ не можетъ требовать и не умѣеть просить. Какую битву проигралъ полководецъ? Отчего послѣ легкаго «Вечера» и жаркихъ «Четокъ» прилетѣла къ ней суровая и снѣжная «Бѣлая стая»? Для нея любовь была не праздникомъ, не виномъ веселящимъ, но насущнымъ хлѣбомъ.

«Есть въ близости людей завѣтная черта»... и напрасно пыталась перейти ее Ахматова. Любовь ея стала дерзаніемъ, мученическимъ оброкомъ. Молодыя барышни, милыя провинціальная поэтессы, усердно подражавшія Ахматовой, не поняли, что значать эти складки у горько сжатаго рта. Онѣ пытались примѣрить черную шаль, спадающую съ чуть сгорбленныхъ плечъ, не зная, что примѣряютъ крестъ.

Для нихъ роковая черта осталась далекой, пріятной линіей горизонта, декоративными звѣздами, о которыхъ мечтаютъ только астрономы и авіаторы. А Ахматова честно и свято повторила жестъ Икара и младенца, пытающагося поймать птичку, Прометея и сумасшедшаго, пробивающаго головой стѣны своей камеры.

Часто ночью равнодушно гляжу я на полку съ длинными рядами милыхъ и волновавшихъ меня прежде книгъ. За окномъ ночь — необычайная ночь — жизни нѣтъ и нѣтъ конца. О чёмъ читать? — развѣ не исполнилось сказанное — не изсякли пророчества и не упразднилось знаніе? Да, но «любовь не престанетъ во вѣкъ» и я повторяю грустныя слова гости земли, нареченной «Анна». Ея стихи можно читать послѣ всѣхъ, ужъ не читая, повторять въ бреду.

Текутъ вѣка и что мнѣ ониксъ или порфиръ древняго храма, что мнѣ вся мудрость Эклезіаста? Но въ глазахъ возлюбленной я вижу отблескъ неотгорѣвшаго огня бѣдной Суламиты. Выше Капитолія и Цицерона царятъ надъ міромъ любовники Помпеи, они одни не бѣжали отъ смерти, только они ее побѣдили. Можетъ быть, въ тридцатомъ вѣкѣ ученые будутъ спорить о значеніи сонета Вячеслава Иванова, но старый чудакъ, найдя въ лавкѣ полуистлѣвшій томикъ, у огня таящагося подъ пепломъ, такимъ же жестомъ, какъ я, будетъ грѣть замерзшія руки — отлюбившее и жаждущее еще любить, вѣчно любить сердце.

1919.

AHHA AXMATOVA.

* * *

Настоящую нѣжность не спутаешь
Ни съ чѣмъ. И она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мнѣ плечи и грудь въ мѣха.

И напрасно слова покорныя
Говоришь о первой любви.
Какъ я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои.

Декабрь. 1913 г.

* * *

Можжевельника запахъ сладкій
Отъ горящихъ лѣсовъ летитъ.
Надъ ребятами стонутъ солдатки.
Вдовій плачъ по деревнѣ звенить.

Не напрасно молебны служились,
О дождѣ тосковала земля:
Красной влагой тепло окропились.
Затоптанныя поля.

Низко, низко небо пустое,
И голосъ молящаго тихъ...
Дѣлять тѣло Твое пресвятое,
Мечутъ жребій о ризахъ Твоихъ.

Іюль 1914.

* *

Есть въ близости людей завѣтная черта:
Ея не перейти влюблённости и страсти.
Пусть въ жуткой тишинѣ сливаются уста
И сердце рвется отъ любви на части.
И слово тутъ безсильно, и года
Высокаго и огненнаго счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истомѣ сладострастья.
Стремящіеся къ ней безумны, а ея
Достигшіе поражены тоскою:
Теперь ты понялъ, отчего мое
Не бьется сердце подъ твоей рукою.

* *

Тяжела ты, любовная память,
Мнѣ въ дыму твоемъ тлѣть и горѣть.
А другимъ — это только пламя,
Чтобъ остывшую душу грѣть.

Чтобы грѣть пресыщенное тѣло
Имъ надобны слезы мои.
Для того ли я, Господи, пѣла,
Для того ль причастилась любви?

Дай мнѣ выпить такой отравы,
Чтобы сдѣлаться мнѣ нѣмой,
И мою безславную славу
Осіяннымъ забвенiemъ смой.

* * *

Чѣмъ хуже этотъ вѣкъ предшествовавшихъ? Развѣ
Тѣмъ, что въ чаду печалей и тревогъ
Онъ къ самой черной прикоснулся язвѣ,
Но исцѣлить ее не могъ?

Еще на западѣ земное солнце свѣтитъ,
И кровли городовъ въ его лучахъ горятъ...
А здѣсь ужъ, бѣлая, дома крестами мѣтитъ,
И кличетъ вороновъ, и вороны летятъ.

ЮРГИСЪ КАЗИМИРОВИЧЪ БАЛТРУШАИТИСЪ

Поэтъ стихи не пишетъ, но говоритъ, пусть беззвучно, но все же шевелятся его губы. Руки — потомъ, руки — это почти наборщикъ. Есть уста поэтовъ изступленныя или лепечущія, мудрыя или суеръчивыя. На пустынномъ лицѣ Балтрушайтиса особенно значителенъ ротъ, горько сжатый ротъ, какъ будто невидимый перстъ тяжелый и роковой лежитъ на немъ. Балтрушайтисъ такъ часто повторяетъ слово «нѣмотствовать». Какая странная судьба — тотъ, кто долженъ говорить, влюбленъ въ нѣмоту! Въ пристойномъ салонѣ собирались поэты. Бальмонтъ разсказываетъ о пляскѣ какихъ-то яванокъ или папуасокъ. Неистовый Андрей Бѣлый словами и руками прославляетъ дорнахское капище. Какие-то прилежные ученики спорятъ о пэонахъ Дельвига. Футуристы рѣзво ругаются. Въ черномъ, наглоухо застегнутомъ сюртукѣ, Балтрушайтисъ молчитъ. Не просто молчитъ, но торжественно, непоколебимо, какъ будто противопоставляя убожеству и суётъ человѣческихъ словъ «благое молчаніе». Такъ же молчалъ онъ на сборищахъ юныхъ символистовъ, бушевав-

шихъ подъ сѣнью «Вѣсовъ» или на засѣданіяхъ «Тео», слушая наивныя поученія теоретиковъ пролеткульта. Когда въ Россіи профессія сдѣлалась необходимостью, Балтрушайтисъ сталъ не ораторомъ, а дипломатомъ. Тамъ, въ кабинетахъ, творящихъ войну или миръ, гдѣ бѣлыя мѣста значутъ больше три-віальныхъ строкъ, гдѣ паузы убѣдительнѣе заученныхъ завѣреній, онъ смогъ проявить свое высокое искусство — молчать.

Но развѣ поэтъ долженъ спорить, рассказывать, обличать? Поэтъ «вѣщаетъ». Нѣмой Балтрушайтисъ, когда приходитъ урочный часъ, разрѣшается сжатыми, строгими строками. Великой суворостью дышеть лицъ Балтрушайтиса. Это суворость сѣверной природы. Рѣдко, рѣдко младенческая улыбка, какъ бѣглый лучъ скупого солнца, озаряетъ на мигъ его. Напрасно суетный читатель сталъ бы искать въ его стихахъ красочныхъ образовъ и цвѣтистыхъ словъ. Стихи Балтрушайтиса гравюра по дереву. Въ нихъ только черныя и бѣлыя пятна. Въ призрачномъ свѣтѣ полярнаго дня нѣть красокъ и только огромныя формы, вѣская плоть земли давятъ душу. Никогда Балтрушайтисъ не украшаетъ своего скучнаго разсказа пышными одеждами. Въ его кабинетѣ пусто. Только столь рабочій и большое распятье. Стихи его похожи на голыя стѣны древней молельни, гдѣ нѣть ни золотыхъ ризъ иконъ, ни крытыхъ пестрыми каменьями статуй, гдѣ человѣкъ глазъ на глазъ ведетъ извѣчный споръ съ грознымъ Вседержителемъ. Читаетъ стихи Балтрушайтисъ размѣренно и глухо, не выдавая волненія, не возвышая и не